UO‘K 821.512.133

РОМАН А.ЧУЛПАНА “НОЧЬ И ДЕНЬ” В ТРАКТОВКЕ КРИСТОФЕРА ФОРТА

З.А. Касымова

Статья посвящена анализу трактовки романа А.Чулпана “Ночь и день”, предложенной американским исследователем и переводчиком Кристофером Фортом во введении к его переводу романа на английский язык. К.Форт утверждает, что роман А.Чулпана представляет собой попытку писателя создать соцреалистическое произведение, в котором он пародирует литературу джадидов, и через идейные искания главного героя Мирякуба стремится отразить свой путь к приятию социализма. К.Форт считает что верность “эстетике нерешительного” и “эстетике невежества”, сформированных в творчестве А.Чулпана, благодаря его прошлому в рядах джадидов и их литературы, помешала писателю создать настоящее соцреалистическое произведение, а неопределённость его позиции по отношению к Советской власти и к “женскому вопросу” помешала ему создать логически завершенный по правилам сталинистской критики второй том романа. В данной статье оспаривается мнение К.Форта о пародийном характере фрагмента романа о джадидах и его трактовка образа джадида как карикатуры.

Ключевые слова: *роман, перевод, литература джадидов, пародия, памфлет, диалогизм, оптимизм, соцреалистический роман, психологизм, пролетарский роман, внутренний диалог, культура, воспитание*.

Maqolada amerikalik tadqiqotchi va tarjimon Kristofer Fort tomonidan A.Cho‘lponning “Kecha va kunduz” romani ingliz tiliga tarjimasi so‘zboshisida taklif qilingan talqin tahlil etilgan. K.Fort A.Cho‘lpon romani adibning jadid adabiyotiga parodiya qilingan sotsialistik realistik asar yaratishga intilishi ekanligini ta’kidlab, muallif sotsializmni qabul qilish yo‘lini bosh qahramon Miryoqubning g‘oyaviy izlanishlari orqali aks ettirishga harakat qilganini aytadi. K.Fortning fikricha, A.Cho‘lpon ijodida shakllangan “qat’iyatsizlik estetikasi” va “jaholat estetikasi”ga sodiqlik hamda uning o‘tmishda jadidlar safida bo‘lgani, jadid adabiyotiga daxldorligi chinakam sotsrealistik asar yaratishga xalal bergan. A.Cho‘lponning sovet hokimiyatiga va “ayollar masalasi”ga munosabati noaniqligi unga romanning stalincha tanqid qoidalari asosida mantiqiy yakunlangan ikkinchi jildini yaratishga to‘sqinlik qildi. Maqolada K.Fortning Cho‘lpon romanidagi jadidlarga oid qismning parodiya xususiyati haqidagi fikriga, asardagi jadid obrazini karikatura sifatida talqin etishiga qarshi bahsga kirishilgan.

Kalit so‘zlar: *roman, tarjima, jadid adabiyoti, parodiya, pamflet, dialogizm, optimizm, sotsrealistik roman, psixologizm, proletar romani, ichki dialog, madaniyat, tarbiya*.

Перевод романа Абдулхамид Чулпана на английский язык в 2019 году стал важным событием в истории узбекской литературы. Кристофер Форт не только переводчик, но прежде всего учёный-филолог (PhD – Славянские языки и Литература), доцент кафедры Общего Образования Американского университета Центральной Азии [7] многие годы посвятил изучению узбекского языка и литературы. Приветствуя реформы в новом Узбекистане, К.Форт искренне стремится помочь популяризации узбекской литературы и культуры в англоязычном мире [5]. В связи с этим известно, что кроме романа А.Чулпана он уже выпустил перевод романа И.Султана “Вечный странник” [4] и работает над переводом произведения “Сказки о былом” А.Каххара [11]. В процессе работы над переводом романа “Ночь и день” К.Форт провёл огромную работу по изучению творчества А.Чулпана. Не скрывая своего восхищения произведением [1], он с большим уважением отзы-

вается и о поэте, как об “очаровательном и загадочном художнике” (“this fascinating and mysterious artist” [4]). Рассматривая творчество А.Чулпана, К.Форт отмечает, что значительное количество белых пятен в его биографии приводит к разногласиям в интерпретации его творческого кредо, также как и произведений. Опираясь на социальные и политические условия прошлого, К.Форт попытался переосмыслить творческий замысел А.Чулпана и предложил своеобразный вариант интерпретации текста романа. Версия Кристофера Форта уже вызвала достаточно споров (“plenty of disagreements” (9)), но еще не получила детального рассмотрения. Чувство признательности американскому ученому за его огромный труд, благодаря которому роман А.Чулпана стал доступен англоязычным читателям со всего мира, заставляет нас внимательнее прислушаться к его мнению о романе. Осмысливая историческую ситуацию начала 30-х годов, когда А. Чулпан работал над своим произведением, К.Форт выдвигает суждения, значительно противоречащие восприятию “Ночи и дня” в узбекском лит ературоведении, а именно, что данный роман “не является анти-сталинистской аллегорией, как это понимали многие, но скорее попыткой создать соцреалистическое произведение и, в то же время, модернистскую пародию на литературу исламских реформаторов двадцатого века” (“*Night and Day* was not an anti-Stalinist allegory as most have read it but rather both an attempt to write Socialist Realism and a modernist parody of the literature of twentieth-century Islamic reformers” [9]). Свою версию понимания романа Кристофер Форт изложил в введении к переводу романа А.Чулпана [1].

Позволим себе перечислить некоторые важные, на наш взгляд, пункты концепции романа в трактовке Кристофера Форта. Итак, в соответствии с мнением американского учёного, роман “Ночь и день” – это “попытка соцреализма”, написанная в строгом соответствии с канонами в то время только формировавшегося метода (соцреализма), а также, что не менее важно, с требованиями конкурса, для участия в котором он был написан. Цель А.Чулпана, искавшего в это время примирения с Советской властью, заключалась в том, чтобы написать работу, которая помогла бы ему вернуться на литературную арену. Кристофер Форт выражает свое намерение оспорить “некритическое” восприятие джадидов в постсоветском Узбекистане (“I intend to challenge the uncritical reception of jadids in post-Soviet Uzbekistan” [1. С. 4]) и утверждает, что джадидизм в романе А.Чулпана представлен пародийно и являет собой один из этапов в идейном развитии образа главного героя – Мирякуба, которого во второй части романа А.Чулпан планировал сделать социалистом. Подобная же трансформация ожидала и Зеби, для которой ссылка в Сибирь должна была стать своеобразной школой закалки характера. Кристофер Форт приводит свои доказательства тому, что подобная метаморфоза не только логично вытекает из представленного в тексте “Ночи” материала, но также реально планировалась Чулпаном, и люди из близкого к роману литературного окружения были в курсе этих планов. Тот факт, что вторая книга романа – “День” – не вышла в свет, Кристофер Форт объясняет тем, что возможно А.Чулпан так и не смог преодолеть свое “неопределённое” (“undecided in his relationship to the Soviet Union” [1. С. 4)) отношение к Советской власти и к “женскому вопросу”, и еще, что также не менее возможно, что вторая книга, скорее всего, не ответила на запросы требовательного художника и, словами К.Форта, стала “художественным провалом” (artistic failure [1. С. 42]), в связи с чем так и не была опубликована, а позднее, похоже, была уничтожена НКВД. При этом, американский учёный чётко осознает, что его трактовка “Ночи и дня” в корне отличается и от понимания романа советской критикой, которая не увидела в романе соцреализма и сочла его антисоветским, и от понимания его в современном узбекском литературоведении, где Чулпаном восхищаются еще и за проявленное им мужество – писать о джадидах и их программе развития Туркестана в то время, когда сами джадиды уже давно были в опале.

Попробуем разобраться, на чём же основаны утверждения К.Форта о соцреали-

стическом характере произведения? Среди основных доводов ученого можно отметить настрой писателя, заимствования в тексте романа из произведений пролетарских писателей, особенности развития линии героя, а также своеобразие изображения джадидов в романе.

К.Форт внимательно изучил историю жизни А.Чулпана и проследил за изменениями его творческой манеры. Он отмечает, что по возращении из Москвы А.Чулпан искренне "пытался переписать свою поэтическую биографию" ("attempted to rewrite his poetic biography" [1. С. 17], и поскольку поэта всегда осуждали за пессимизм в его стихах, он решил продемонстрировать в сборнике "Соз" (1935 г.) свою "новую оптимистическую личность и восторженное приятие им Советской власти (энтузиазм) такими стихотворениями как "Янги мен" и "1 Май"" (…his new optimistic persona and his enthusiasm for Soviet rule with such poems as "The New Me" (Yangi men) and "May First" (1 May) [1. С. 17]), а также другими произведениями. К этому же периоду творчества А.Чулпана относится и создание романа "Ночь и день", представленного "на узбекский литературный конкурс, направленный на поддержку создания социалистической прозы" ("an Uzbek literary contest designed to encourage the writing of socialist prose" [1. С. 17]). Иными словами, уставший от преследований А.Чулпан был намерен восстановить свое доброе имя и обрести заслуженное место в литературном мире, чтобы получить возможность спокойно жить и работать в новых условиях. А поскольку условия были советские, также как и конкурс, нацеленный на "поддержку создания соцреалистической прозы", то и роман А.Чулпан намеревался написать, отвечающий его требованиям.

Позднее в интервью для сайта Another Day К.Форт дополняет свою мысль еще одним доводом. Ссылаясь на информацию от профессора Марианн Кэмп, он утверждает, что бунт в конце романа "Ночь и день" "не отражает исторические события 1916 года, так как митинги на то время проходили против вступления в армию во время первой мировой войны" [11]. Поскольку причиной бунта было недовольство людей действиями "богатых и крупных землевладельцев", К.Форт усматривает в этом проблемы эпохи коллективизации 1930-го года. И поскольку, конкурс, на который был подан роман А.Чулпана, призывал писать о коллективизации, К.Форт приходит к заключению, что "подав свой роман, Чулпан следовал правилам конкурса написать "идеологически правильный" роман, лучше даже отъявленных таких социалистов, как Абдулла Каххар" [11]. Таким образом, по мнению К.Форта, несмотря на то, что в романе изображались события, предшествовавшие революции, проблематика его соответствовала проблематике литературы 1930-х годов, в частности эпохи коллективизации, что позволяет исследователю вновь убедиться в том, что, когда А. Чулпан писал "Ночь и день", он намеревался создать соцреалистический роман.

К.Форт также утверждает, что при написании своего романа А.Чулпан опирался на традиции пролетарской прозы. В своем введении он высказывает допущение, что "А.Чулпан при создании образа Мирякуба почти наверняка заимствовал из популярного в Узбекистане в начале 1930-х годов пролетарского текста" ("Cholpon most certainly borrowed from a proletarian text popular in 1930s Uzbekistan in crafting his Miryoqub" [1. С.37]), имея в виду "Роман Межгорья" Ивана Ле – представителя украинского РАППа – в котором социалист Саидали "влюбляется в замужнюю русскую женщину и переживает внутренний диалог, в котором две части его собственного "я" противопоставляют его социалистское происхождение побуждениям его же похоти" ("Saidali falls in love with a married Russian woman and finds himseld in an internal dialogue in which two parts of his self pit his socialist pedigree against his lustful urges" [1. С. 37]). "Психологическое раздвоение" Саидали, по мнению К.Форта стало основой для внутреннего диалога Мирякуба в романе "Ночь и день". К.Форт отмечает, что Саидали воспринимает свою любовь как предательство по отношению к своему идеологическому кредо, поскольку она отрывает его от его партийного долга. К тому же для Любы он всего лишь экзотичен, и потому он гневно заключает, что она "сделала из него

“проститутку” ради своего “культурного туризма” (“makes him into a “prostitute” for her “cultural tourism”” [1. С. 38]). К.Форт считает, что конфликт Мирякуба у А.Чулпана – это вывернутый наизнанку конфликт Саидали, только здесь Мирякуб стремится к повышению своего “культурного уровня”, что, предполагается, должно побороть его “азиатскую похотливую натуру” и соединить его с русской женщиной, которая сама является проституткой (“raising his “cultural level” which will supposedly transform his Asiatic lustful nature and unite him with a Russian woman, herself a prostitute” [1. С. 38]). К.Форт подчеркивает, что А.Чулпан был первым в узбекской литературе, кто изобразил внутреннюю борьбу героя в виде мысленного диалога, но что подобные приёмы психологической прозы в целом были не редкими для литературы того времени. И, исходя из этого, К.Форт пишет: “Несмотря на недостаток социалистского содержания в романе, А.Чулпан написал его в соответствии с духом психологической прозы, выдвинутой современным ему пролетарским романом” (“Despite the lack of socialist content in the novel, Cholpon wrote very much in line with a psychological prose put forward by the contemporaneous proletarian novels” (1; 39)). Таким образом, по мнению К.Форта, А.Чулпан всерьез был намерен написать соцреалистическое произведение и поэтому заимствовал литературные приёмы из образцов пролетарской литературы.

Интересно развивает К.Форт и концепцию героя в романе К.Чулпана. Он утверждает, что поскольку роман соцреализма основывался на марксистско-ленинской теории, то он и отражал марксистско-ленинскую диалектику: переход масс “из естественного состояния “стихийности”” к “классовой сознательности”” (“from an original state of “spontaneity” to “class consciousness” [1. С. 24]) при помощи образования, то есть ликбеза. Ссылаясь на работу исследователя Katerina Clark, К.Форт утверждает, что эта “диалектика реализовывалась в литературе через “стихийного”, импульсивного, решительного героя, который оттачивал свою энергию и направлял её с помощью учителя-большевика в сознательно направленные действия в единстве с другими” (“This dialectic was realised in literature through “spontaneous”, impetious, decisive protagonist who hone and focus that energy with the help of Bolshevik teacher into “consciously” directed action in concert with others” [1. С. 24]). В роли данного “стихийного героя” К.Форт видит Мирякуба. По его мнению, А.Чулпан, намереваясь сделать Мирякуба социалистом, изначально вкладывает в его уста клятву “разрушить империю” (“vows to destroy empire” [1. С. 40]). Мирякуб произносит ее, еще не понимая смысла слов, потому что в слово “империя” вкладывает пока только понятия похоти и разврата, услышав от наиба правду о его образе жизни. Но, К.Форт считает, что А.Чулпан заранее “внушает своему герою антиколониальные и антикапиталистические тенденции наряду с их противоположностями” (“anachronistically instills in his Miryoqub both anti-colonial and anti-capitalistic tendencies alongside their opposites” [1. С. 40]) и, таким образом, создает “потенциальную возможность для превращения Мирякуба в социалиста” (“we see the potentials for a socialist Miryoqub” [1. С. 40]). К.Форт в своей работе выстраивает логическую лестницу, которая отражает приход Мирякуба к социализму. Она выглядит примерно так: вначале, когда Мирякуб клянется разрушить империю, он говорит о своей похоти, которую ассоциирует с империей. Далее в процессе своих внутренних допросов, он начинает ассоциировать с ней же жажду наживы – свою капиталистическую природу (вспомним: связь с женой наиба оправдана им как “инвестиция” в дальнейшее продвижение бизнеса). И в процессе этого суда, Мирякубу удается убедить “своего жадного следователя” (“persuading his greedy interrogator” [1. С. 34]), но сам он остается неудовлетворен своими доводами. К.Форт понимает это как “намёк А.Чулпана на то, что впереди у Мирякуба еще будут новые прозрения” (“Miryoqub, Choplon therefore hints, will have further epiphanies still”) [1. С. 34], а значит и возможность прийти к социализму. Уже после встречи с джадидом, он решается отбросить похоть и посвятить себя одной женщине – Марии. Тот факт, что многие джадиды впоследствии же-

нились на русских женщинах и потом стали социалистами (здесь К.Форт опирается на жизненные примеры таких поэтов как Хамза и Боту), позволяет К.Форту утверждать, что Чулпан готовил такую же дорогу и для Мирякуба. Таким образом, по мнению К. Форта, борьба с похотью после нескольких трансформаций должна привести Мирякуба в ряды социалистов. А то, что Мирякуб открыт для "новых прозрений", К.Форт видит в том, что "незавершенные прозрения играют роль на протяжении всего романа" ("incomplete epiphanies play a role throughout the novel" [1. С. 33]), а значит приход Мирякуба в джадидизм должен рассматриваться как "незавершенная трансформация героя" ("an unfinished transformation" [1. С. 33]).

Мысль о том, что джадидизм – это не последняя веха в идейном развитии героя, К.Форт отстаивает, исходя из своеобразия изображения джадида в романе, поскольку считает, что Шарафиддин Ходжаев в романе не столько герой, сколько памфлет ("more pamphlet than person" [1. С. 34]), а также из специфики преподнесения в романе самой идейной программы джадидов. По мнению К.Форта, "обращение Мирякуба в джадидизм заметно подорвано пародийным характером данного фрагмента текста" ("His conversion to jadidism is noticeably undermined by parodic nature of the text in this episode" [1. С. 34]), иными словами, часть романа, посвящённая путешествию Мирякуба в Москву представляет собой пародию на литературу джадидов. Основанием для таких утверждений служит форма повествования: путевой дневник, а также своеобразная идейная позиция джадида Ш.Ходжаева.

Как утверждает К.Форт "саргузаштнома" – термин, которым А.Чулпан определяет воображаемый дневник героев (который они могли бы вести во время поездки в поезде), то есть жанр, повествующий о путешествии героев, был характерен для литературы джадидов. К.Форт отмечает "несколько устойчивых атрибутов" ("a few fixed attributes" [1. С. 34]) данного жанра, которые, по его мнению, А.Чулпан спародировал в данном фрагменте романа. Первый их них, монологичный характер путевых дневников джадидов. К.Форт считает, что монологичность текстов джадидов была спародирована диалогичным характером дневника героев А.Чулпана. Второй атрибут – это дидактичность произведений джадидов, которые яростно критикуют состояние родного края, сильно уступающего в сравнении его с развитыми странами Европы. К.Форт считает, что для этой функции А.Чулпан использует образ джадида Ш.Ходжаева, который "выступает как повествователь данного путевого дневника: он восхваляет преимущества образования на европейских примерах и бранит отсталость своих соотечественников" ("speaks like a narrator of these travelogues: he praises the benefits of education through European examples and berates the backwardnes of his countrymen" [1. С. 34]). Образ джадида, а также его речи, по мнению К.Форта дискредитируются вследствие того, что читатель воспринимает их через дневник Мирякуба, "который вопрошает и неверно понимает его" ("Miryoqub questions and misunderstands him" [1. С. 34]), а в итоге и вовсе делает вывод, что "не полностью доверяет джадидам" ("Miryoqub notes that he does not entirely trust jadids" [1. С. 34]).

Более того, по мнению К.Форта пародирование свойственного литературе исламских реформаторов жанра в сагрузаштноме А.Чулпана имеет еще один "уровень диалогизма" ("another level of dialogism" [1. С. 35]). Исследователь считает, что слова джадида Ходжаева, читаемые в противопоставлении к дневнику Марии, опровергаются им и потому еще более дискредитируются. Один из таких примеров опровержения, по мнению К.Форта – это высокая оценка джадидом Марии и ее культурного превосходства, а также его утверждение о том, что она научит детей Мирякуба быть более культурными и образованными, поскольку записи в дневнике Марии, словами К.Форта, "показывают нам ее крайне двойственное отношение к культуре и образованию" ("show us her utter ambivalence to culture and education" [1. С. 35]). Также противоречащим утверждениям джадида Ходжаева о высоком культурном уровне Марии, К.Форт отмечает ее попытку гадать на картах, поскольку "джадиды центральной Азии всегда осуждали мусуль-

манских женщин как невежественных за их увлеченность предрассудками и магией" ("Central Asian jadids often condemned Muslim women as ingnorant for their engagement with superstitions and magic" [1. С. 35]). И наконец, К.Форт подчеркивает, что Ходжаев упоминает проституцию среди пороков общества и в то же время превозносит Марию, которая "неизвестно для него" ("unbeknownst to him" [1. С. 35]) является "бывшей проституткой" ("a former prostitute" [1. С. 35]). Все это позволяет исследователю сделать вывод, что "Изображение джадидского героя и обращения Мирякуба в джадидизм у Чулпана не обходится без иронии и двусмысленности" ("Cholpon's support of his jadid character and Miryoqub's conversion to jadidism is hardly without irony and ambiguity" [1. С. 35]).

Однако наиболее сильным аргументом в пользу того, что образ джадида Ходжаева, а также приятие Мирякубом джадидизма не может восприниматься всерьез, служит тот факт, что при изображении джадида, по мнению К.Форта, А.Чулпан значительно погрешил против исторической истины, вложив в уста героя негативные высказывания о России и о русских как о врагах нации. По твердому убеждению К.Форта, джадиды никогда не стремились к независимости. Их конечной целью была автономия в пределах Федерации ("jadids wanted Turkestani autonomy within a federated system" [1. С. 39). К.Форт утверждает, что джадиды конфликтовали не с российским империалистами, а с местной религиозной элитой – улама, критикуя их за препятствование "продвижению нации к современности" ("impeded their nation's progress towards modernity" [1. С. 2]) К.Форт считает, что получившие хорошее образование джадиды, "заявляли о себе, как о людях, наиболее подходящих для управления Центральной Азией в XX веке" ("presented themselves as the people best suited to lead Central Asia in the twentieth century" [1. С. 2]), и именно это противопоставило их религиозной элите в глазах простого народа, который, конечно же, следовал за улама. Российская администрация также всегда защищала улама в спорах с джадидами, поскольку так она поддерживала свою власть над регионом. При этом джадиды, хотя и симпатизировавшие туркам, как утверждает К.Форт, опираясь на работы Адиба Халида, "в большинстве своем, оставались непоколебимо преданными империи Романовых" ("the majority of them remained steadfastly faithful to the Romanov Empire" [1. С. 36]), поскольку считали, что их "преданность повысит статус их общества в Империи, которая впоследствии позволит большее участие туркестанцев в политической жизни России" ("their show of allegience would raise the status of their community in the empire, which would then permit more Turkestani participation in Russian political life" [1. С. 36]). В романе А.Чулпан позволяет своим героям Ходжаеву и Хасанову негативно отзываться о русских, что, по мнению К.Форта, противоречит исторической правде. Исследователь считает, что "атаки на русских", приписанные Ходжаеву и Хасанову, представляют собой качество джадидов, бытовавшее в советском воображении. Иными словами, А.Чулпан изобразил джадидов не такими, какими они были на самом деле в Туркестане 1910-х годов, то есть в хронотопе романа "Ночь и день", а такими, какими их хотел видеть соцреалистический роман 30-х годов. И потому, по мнению К.Форта, "Представив такую не соответствующую исторической правде негативную характеристику джадидов, роман А.Чулпана ясно намекает на то, что мы должны усомнится в приятии Мирякубом джадидизма" ("By giving his jadid characters such ahistorical negative characteristics, Cholpon's novel clearly suggests that we should doubt Miryoqub's acceptance of jadid ideas" [1. С. 36].

К.Форт также выдвигает предположение, что Чулпан через искания Мирякуба пытался отразить свой путь к социализму. По мнению исследователя, А.Чулпан также начинает свой путь "обращения в социализм" ("convention to socialism" [1. С. 41]) с женитьбы на русской женщине, поскольку все его "оптимистические" стихи появились именно в этот период. И потому К.Форт полагает, что женитьба Мирякуба на Марии также приведет его к социализму, чтобы отразить "медленное обращение в социализм" ("his own slow convention" [1. С. 41]) самого А.Чулпана, которое писатель, по мнению К.Форта, пытался изобразить через

искания “запутавшегося, невежественного Мирякуба, который, хотя и был поначалу обманут джадидами, но все же в итоге стал социалистом” (“the confused, ignorant Miryoqub, who, though at first duped by jadids, eventually becomes a socialist” [1. С. 41]).

Почему же А.Чулпан, который искренне взялся за написание соцреалистического романа, так и не достиг искомого результата? К.Форт видит причину этому в своеобразии творческого кредо А.Чулпана, который был верен “эстетике нерешительного, эстетике, которая вышла из его джадидского прошлого (Исламской реформы) (“an aesthetic of the indecisive, an aesthetic which emerged from his background in Muslim reform” [1. С. 24]). и была чужда решительности, востребованной в соцреализме. Наряду с эстетикой нерешительного (“an aestetic of indecisive” (1; 24)), К.Форт также выделяет и эстетику невежества (“an aestetic of ignorance” [1. С. 31]), как наследие литературы джадидов в творчестве Чулпана. Позднее К.Форт выдвигает “эстетику безрезультатности” (“an aesthetic of inconclusiveness” [4]), как основную эстетику, развиваемую в зрелом творчестве Чулпана, которая привела к тому, что развитие героев в романе, да и сам роман так и не получили логического завершения. Как же эти эстетики связаны с литературой джадидов? Исследователь отмечает, что, джадиды, как исламские реформаторы, видели свою роль в том, чтобы “настроить своих невежественных собратьев на волю Божью и, таким образом, вернуть общине Его благосклонность” (“to attune their ignorant brethren to the will of God so as to return the community to His favor” [1. С. 29]). И потому произведения джадидов во всех жанрах концентрируются на изображении “упадка и невежества, в котором, по их мнению, их общество пребывало” (“Jadid works across genres therefore depict the time of decline and ignorance in which they felt their society existed” [1. С. 29]). В дореволюционных работах джадидов это обычно заканчивалось катастрофой, насылаемой Богом, а в их послереволюционных произведениях стала заканчиваться “спасением в виде *deux ex machina*, в роли которой часто выступала сама революция” (“after revolution with a salvation in the form of *deux ex machina*, often the revolution itself” [1. С. 29]). По мнению, К.Форта именно изображение невежества (мракобесия) является ключевым признаком джадидской литературы, который определил ее жанровую и идейно-тематическую направленность, развив в ней такие жанры как “элегию и плач об утраченной славе, увещевание и призывы вернуть эту славу, или сатиру на эпоху невежества” (“elegy and lament of lost glory, exhortation and admonition to regain this glory, or satire of the time of ignorance” [1. С. 29]) – все жанры, ставшие “излюбленными риторическими приемами джадидов” (“all of which became the favorite rhetorical modes of jadids” [1. С. 29]). Осознание “изображения упадка” как неотъемлемой базы искусства джадидов в начале 1920-х годов, привело к тому, что, по мнению К.Форта, писатели-джадиды “пытались на неопределенное время отсрочить момент осознания, чтобы в полной мере использовать эстетические возможности невежества” (“They therefore endeavored to indefinitely defer the moment of consciousness in order to fully exploit the aesthetic possibilities of ignorance” [1. С. 29]). Так сформировался парадокс: “эстетика джадидов вступила в противоречие с политикой джадидов: в то время как их политика призывала положить конец эпохе невежества, эстетика джадидов требовала ее продолжения” (“the jadid aesthetic came to work at cross purposes with jadid politics: while their politics called for an end of the age of ignorance, the jadid aesthetic demanded its continuation” [1. С. 29]). К.Форт считает, что двойственное отношение А.Чулпана к изображаемым им событиям имеет ту же причину: “С одной стороны, он ненавидит невежество своих соотечественников и желает, чтобы они пробудились, но с другой стороны, он очарован возможностями для творчества, которые предоставляет невежество” (“On one level, he detests the igorance of his countymen and desires that they awaken, but on another, he is fascinated by the opportunities for creativity that ignorance permit” [1. С. 29]).

Точно также К.Форт определяет и позицию А.Чулпана по отношению к “женскому вопросу”, неопределенность которой, с точки

зрения исследователя помешала писателю развить линию Зеби во втором томе романа. Анализируя драматические произведения А. Чулпана тех лет, в частности, драму “Современная женщина” (“Замона хотини” (1928)), К.Форт утверждает, что, А.Чулпан, который в стихах часто “оплакивал пассивность женщин” (“lamented the passivity of women” [1. С. 28]), сам верил в то, что “сильная женщина не сможет сохранить женственность, которую поэт воспевал как узбекскую национальную черту, достойную сохранения” (“A powerful female protagonist cannot maintain the feminity that Cholpon in his verse hails as authentically Uzbek and worthy of saving” [1. С. 28]). Так и в случае с Зеби, по мнению К.Форта, А.Чулпан “оплакивает Зеби, но не хочет, чтобы она стала сильной” [11]. Исследователь убежден, что подход к данной проблеме у А.Чулпана не феминистичен: “он не столько хочет освободить женщин, сколько хочет, чтобы их тюремщики были чуть добрее” [11], что приводит к тому, что линия Зеби в романе также не находит логического завершения: превращения её в сильную и решительную героиню – социалистку.

Таким образом, К.Форт утверждает, что именно “верность эстетике нерешительного” определило общую структуру романа “Ночь и день”, который, по мнению исследователя, “полон неведения и нерешительности” (“full of the ignorance and indecisiveness” [1. С. 35]), что сильно отличает его от других произведений, созданных в те годы. К.Форт справедливо подчёркивает, что “Создавая свой роман в начале 1930-х годов, до того, когда социалистический реализм был канонизирован и определен, Чулпан следует иному пути” (“Writing his novel in the early 1930s before Socialist Realism <…> had been canonized and defined, Cholpon proceeded along a different path” [1. С. 4]). По мнению исследователя, это проявляется в том, что герои романа А.Чулпана “не приходят к классовому сознанию, как это требовалось сталинистской критикой конца 1930-х годов, они скорее “без-сознательны” в своей нерешительности, невежестве и постоянных сомнениях. Они неправильно понимают, неверно распознают, совершают ошибки и всегда получают прозрения, которые бесконечно переправляются. Его герои, одним словом, незавершенные создания, которые всегда откладывают окончательное суждение на потом...” (“His characters do not come to the class consciousness that would be demanded by Stalinist critics in the late 1930s; rather they are “unconscious’ in their indecisiveness, ignorance and constant doubt. They misunderstand, misrecognize, and commit mistakes, always receiving epiphanies that are endlessly redacted. His characters are, in a word, incomplete beings, always deferring final judgement to another time…” [1. С. 4]). Это помогает К.Форту утверждать, что “Чулпан сам еще не определился в своем отношении к Советскому союзу, незавершен, как и его роман в своих убеждениях, и потому всегда доступен читателям будущего для переинтерпретации” (“Cholpon was himself undecided in his relation to the Soviet Union, incomplete, like his novel, in his conviction, and thus always available for reinterpretation by future readers” [1. С. 4]). Думается, что именно эта открытость романа для новых интерпретаций позволила К.Форту выдвинуть свое видение произведения и воплотить его в своем переводе на английский язык.

Версия К.Форта несомненно заслуживает серьезного внимания, и специалистам по истории литературы есть о чем подумать. Со своей стороны хотелось бы все же отметить, что приходить к серьезным обобщениям о политических и идеологических настроениях джадидов можно только после тщательного изучения всей истории их движения. Известно, что джадидов было много и все они были достаточно разными, так что обобщать здесь необходимо очень осторожно. Также и рассмотрение в одном ряду Хамзы и Боту только потому что в их жизненной биографии встретились сходные детали (женитьба на русских женщинах и обращение в социализм) кажется немного натянутым, поскольку в целом их судьбы, воззрения, мотивы поведения и даже возможности все же были различны. Хамза на целое поколение старше Боту. Не секрет, что те времена были настолько насыщены событиями и переменами, что декада, отделяющая их даты жизни и смерти, была

равна эпохе, а то и нескольким эпохам сразу, и потому, для того чтобы рассматривать общность их прихода к социализму на основе общей детали биографии пусть даже и такой яркой как брак с русскими женщинами, нужны более веские основания. Однако, оставим историкам литературы право ответить на вызов К.Форта и более тщательно осмыслить реальное значение и позицию джадидов в истории Туркестана.

Думается, что позиция К.Форта чрезвычайно интересна и не лишена оснований, особенно относительно прихода Мирякуба к социализму, что вполне было бы возможно, если бы герою удалось пережить травлю джадидов, каковым он все-таки был (пусть даже и временно, по убеждению К.Форта). Причем, переход к социализму у него мог бы пройти даже быстрее, чем мог предполагать или пытался изобразить А.Чулпан. Неприязнь Мирякуба к социалистам или скорее его настороженность по отношению к ним была, как известно, связана с опасностью потерять свои земли и капитал, но, переживи он революцию, все его имущество было бы экспроприировано и национализировано, а окажи он сопротивление, он был бы расстрелян, поэтому скорее всего, он все, что имел, безвозмездно подарил бы новой власти и рад был бы, что уцелел. И если бы ему это удалось, то кроме русской жены у него бы уже ничего не осталось, так почему бы и не примкнуть к социалистам, если это по сути новая дорога его новой страны, а жить ему больше негде. Тем более, что в способности Мирякуба с прозвищем “эпака” приспосабливаться к любым условиям и доводить дела до успешного завершения никто бы никогда не усомнился. То есть, вполне допуская возможность такого варианта второго тома, мы ловим себя на том, что предлагаем свои варианты несуществующего произведения, который “остается предметом умозрений” (“remains the subject of speculations” [1. С. 42]) по тонкому замечанию К.Форта, и развиваем его на основе своих или даже его (К.Форта) взглядов. Однако, поскольку право на создание настоящего второго тома романа всецело принадлежало А.Чулпану, мы не будем пытаться сделать то, что суровые законы времени не позволили сделать писателю самому. В то же время, нам нельзя забывать и о том, что у нас есть первый том: написанный А.Чулпаном с большой любовью, выстраданный и кровью оплаченный им роман – “Ночь”. И в пределах этого романа как литературной реалии мы можем и должны стараться прочитать слово и мысль поэта такими, какими он их там запечатлел. И, исходя из того, что в нашем понимании литература – это прежде всего текст, а значит при изучении ее необходимо уделять пристальное внимание тексту, мы позволим себе оспорить некоторые высказывания К.Форта, в частности, те, в которых он пытается доказать, что Ш.Ходжаев – скорее памфлет, нежели личность, а фрагмент романа с ним – это пародия на литературу джадидов.

Одним из доводов К.Форта в пользу того, что Ходжаев “представлен больше в карикатурном виде” [11], служит то, что почти все его громкие слова, получают тут же опровержение реальностью романа или записями в дневнике Марии, что подрывает авторитет героя, так что читатель уже не может всерьез доверять ему. Чтобы понять, насколько это верно попробуем заострить внимание на некоторых фрагментах работы К.Форта, которые на наш взгляд не совсем точно передают смысл вложенный в текст А.Чулпаном. Первый фрагмент:

“... Xo‘jaev rants about the vices of Tashkent, among them prostitution, as instruments that deprive Muslims of their agency, and yet he praises Maria, who, unbeknownst to him, is a former prostitute…” [1. С. 35] (Ходжаев разглагольствует о пороках Ташкента, и среди них о проституции, как об инструментах, сбивающих мусульман с их верного пути, и в то же время он хвалит Марию, которая, не известно для него, является бывшей проституткой).

В этом фрагменте крайне спорным являются утверждение “не известно для него”. В романе отмечено, что поначалу и вправду, Мирякуб почувствовал неловкость, когда джадид спросил о Марии, и потому соврал ему. В “дневнике” Мирякуба читаем: “Lekin “bu kishi kimingiz?” deb so‘ragani yomon bo‘ldi. Nima deb javob berishga hayron bo‘lardim. Hali

javob topolganim yo‘q edi. O‘zi yordam qildi: “Ahliyangizmi? “Ha, ahliyam”. Qutuldim!” [3. C. 226–227]. (“Но было крайне неловко, когда он спросил “Кто она Вам?”. Я никак не мог найти, что ответить. Я все еще не придумал ответ, как он сам помог: “Ваша супруга?” “Да, супруга”. Выкрутился!”).

Неловкость героя связана с тонкостью его положения: он едет в одном купе с русской женщиной, которую недавно вывел из публичного дома, и даже сам пока не знает, как с ней поступит. Однако через несколько бесед с джадидом Мирякуб проникается к нему доверием и все же рассказывает ему всю правду о Марии. А.Чулпан пишет об этом от имени Мирякуба: “Ochildim... Umrimda birinchi marta yangi tanishgan bir kishiga ko‘ngil sirimni aytib berdim. Maryam voqeasini mendan batafsil eshitgandan keyin kaltagina bir so‘z qildi....” [3. C. 228]. (“И я открылся... В первый раз в жизни я поведал тайну своей души постороннему человеку, с которым только что познакомился. Услышав от меня подробную историю Марии, он коротко сказал...”).

Известно, что Мирякуб скрытный по природе человек, вспомним хотя бы, что о тонкостях его бизнеса вообще никто ничего не знает, потому что он никому не доверяет свои тайны. Поэтому тот факт, что он может рассказать кому-то о себе правду, да еще такую, что он практически “спутался” с женщиной из публичного дома, является достаточно экстраординарным. Тем более, что рассказывает он об этом новому человеку, недавно им встреченному: “yangi tanishgan bir kishiga” (какой-то человек (bir kishi), новый знакомый (yangi tanishgan) или с которым только что познакомился). Это настолько необычно для Мирякуба, что он сам с удивлением говорит об этом: “Umrimda birinchi marta” (в первый раз в жизни). Интересно, что в переводе романа на английский язык, К.Форт достаточно близко к оригиналу перевел эти слова: “And I opened up. For the first time in my life I told a new acquaintance the secret closest to my heart. When he heard in detail what happened to Mariyam, he said…” [2. C. 91] (И я открылся. В первый раз в жизни я рассказал новому знакомому секрет, близкий к моему сердцу. Когда он услышал в деталях, что произошло с Марией, он сказал...). Таким образом, “прослушавший в деталях историю Марии” джадид Ш.Ходжаев прекрасно знал о том, что она вышла из публичного дома или, словами К.Форта, что она “бывшая проститутка”. Поэтому данное утверждение исследователя о том, что Ш.Ходжаев “хвалит Марию, не ведая о ее прошлом”, не совсем корректно, и в романе нет того противоречия, о котором К.Форт говорит как об умаляющем значение слов джадида.

Другое доказательство несоответствия реальной Марии словам джадида, связано с ее амбивалентным отношением к культуре. К.Форт пишет: “X’ojaev implores Miryoqub to idolize Maria as a culturally superior individual because of her Russian background. She, Xo‘jaev argues, will teach Miryoqub’s children to be cultured and educated individuals” [1. C. 35] (Ходжаев умоляет Мирякуба боготворить Марию как личность, превосходящую его в культурном отношении, из-за ее русского происхождения. Она, утверждает Ходжаев, научит детей Мирякуба быть культурными и образованными личностями). Чтобы правильно оценить это высказывание надо пересмотреть все сцены с джадидом, включающие Марию. В первый раз, джадид заговорил о ней, когда услышал ее историю. Он сказал: “ – Siz endi bu xotinni qo‘ldan chiqarmang! <…> Siz uni iflos chuqurdan tortib chiqaribsiz. U muni taqdir etadi, o‘zining yosh va toza ko‘nglini sizga tutadi. Sizga qarashlaridan anglaymanki, uning ko‘ngli ko‘pdan sizniki bo‘lgan! Siz – baxtlisiz. U ham sizni endi siz uchun yangi bo‘lgan bir dunyoga olib kiradi. Siz unda haqiqiy onalarni ko‘rajaksiz. Millat bolalarining baxti haqiqiy, madaniy onalar qo‘lida bo‘lmasa, bizning oqibatimiz yomon! Siz undan ko‘p narsa ola bilasiz. Singillaringiz, qizlaringizni shularga o‘xshab tarbiya qilsangiz, shundagina vazifangizni bajargan bo‘lasiz! Eskilarning tili bilan: “qo‘shoq qaringiz!” deyman... Qo‘shoq qaringiz – millatning, millat onalarining saodati uchun!..” [3. C. 228]. (“Теперь не упускайте эту женщину. <…> Вы вытащили её из грязной ямы. Она примет это как судьбу и вручит Вам свою молодую и чистую душу. По тому, как она на Вас смотрит, я могу сказать, что она уже давно Вас любит. Вы – счастливчик. И она теперь введет Вас

в новый для Вас мир. Там Вы увидите истинных матерей. Если судьбы детей нации не будут в руках у настоящих, культурных матерей, печален будет наш удел! Вы сможете многое получить от нее. Когда Вы воспитаете своих сестер и дочерей похожими на них, только тогда Вы сможете выполнить свою миссию! Как говорят наши старики, “живите вместе до самой старости”. Живите вместе до самой старости ради нации, ради счастья матерей нации!...”).

Как видно, джадид нисколько не “умоляет” Мирякуба, и тем более нет речи о том, чтобы “умолять его боготворить” Марию. О ней достаточно сдержанно сказано, что она введет Мирякуба в другой для него мир. Если и есть здесь восхищение, то касается оно тех “настоящих матерей”, которых Мирякуб встретит там – в другом мире, видимо, в мире русской культуры. И когда он говорит, что Мирякуб должен воспитывать своих сестер и дочерей как “их”, он опять же имеет в виду тех “настоящих матерей”, но пока еще не Марию, которая служит только поводырем для Мирякуба в его путешествии за культурой.

В следующий раз джадид говорит о Марии, сравнивая ее с женой Мирякуба – мусульманкой:

“– Har holda, musulmon xotin bilan turib ko‘rgan siz-ku?! <…> – Endi, mana, tarbiyaning nimaligini o‘z tajribangiz bilan bilasiz. Tarbiyasiz, ongsiz va nodon musulmon xotin bilan tarbiyalik madaniy ovro‘palini solishtirib ko‘rasiz. Farq yer bilan osmon qadar! Darhol bilinadi” [3. С. 233].

(“ – Ну все же Вы же пожили и с мусульманкой?! <…> Вот теперь Вы на собственном опыте узнаете, какое оно – воспитание. Вы сможете сравнить невоспитанную, несознательную, глупую мусульманскую женщину с воспитанной культурной европейкой. Разница как между небом и землей! Сразу заметно”).

Здесь джадид противопоставляет Марию как новую жену Мирякуба его прежней жене, но опять же подчеркивает ее преимущества, которые ей подарили её образование и культура. Иными словами, основной целью джадида здесь вновь является не похвала Марии, а фокус на силе воспитания и образования (tarbiya), а также, что еще важнее, констатация необходимости внедрения их в Туркестане.

И, наконец, джадид действительно предлагает Мирякубу доверить Марии воспитание его детей, оставшихся в Туркестане, поскольку так, по его мнению, они непременно “выйдут в люди” (“Odam bo‘ladi ular” [3. С. 238]), однако, он быстро отказывается от этой идеи, узнав, что дети Мирякуба еще не учились в национальной школе. Здесь джадид уже советует Мирякубу во время его поездки в Крым заехать в Бахчисарай, где ему несомненно помогут найти учителей для его детей.

(“– Yurtingizda qolgan bolalaringizning tarbiyasini shu xotiningizga topshiring! Odam bo‘ladi ular.

– Milliy maktabda o‘qimaganlar-ku?! – dedim.

– Unday bo‘lsa, davlatingiz bor, xususiy bir muallim yo muallima oling. Tez bo‘ladi. Siz agar Qrimga borsangiz, Boqchasaroy degan yerga tushing. “Tarjimon” gazetasini izlab toping. O‘sha yerdagi ustodlar bilan gaplashing. Balki, muallim, muallima xususida sizga yordam beradilar, yo‘l ko‘rsatadilar” [3. С. 238]).

(“– Поручите воспитание своих детей, которые остались у Вас на родине, этой женщине. Так они выйдут в люди.

– Но они же не учились в национальной школе?! – сказал я.

– Тогда, вы ведь богатый человек, наймите учителя или учительницу. Это быстро можно сделать. Если Вы поедете в Крым, заезжайте в Бахчисарай. Найдите там газету “Таржимон”. Поговорите там с учителями. Возможно они помогут Вам в вопросе поиска учителя или учительницы, укажут путь”). Значит и по поводу образования детей джадид предлагает Мирякубу другой вариант, и во всем вышеприведенном утверждении К.Форта справедливым остается только фрагмент “из-за ее русского происхождения”, то есть именно принадлежность к русской культуре, с которой Мирякубу следует и предстоит близко познакомиться представляет самую ценную черту Марии. А значит, еще одно противоречие, умаляющее, по мнению К.Форта, значение слов джадида, не реали-

зуется в тексте. Иными словами, джадид не превозносил Марию и уровень ее культуры и образования, тем более не умолял Мирякуба боготворить ее за это, и потому недалёкость Марии, демонстрируемая ее дневником, не подрывает его авторитет и не выставляет его на посмешище перед читателем.

Более того, чтобы адекватно оценить "второй уровень диалогизма" путевого дневника героев, а именно то, что слова джадида перемежаются с противоречащими ему страницами из дневника Марии, необходимо принять во внимание своеобразие гендерных отношений в Средней Азии и тем более в 1930-х годах, когда А.Чулпан писал свой роман. Здесь и в настоящее время в традиционных семьях при проведении мероприятий с угощением мужчин и женщин не сажают за один стол. А в романе "Ночь и день" понятие "ичкари" со всеми возможными в ней интригами еще очень сильно и даже составляет значительную часть романа. Не будем также забывать и о знаменитых словах Раззака суфи – отца Зеби: "Og'iz bilan til bandaning jismida eng aziz va tabarruk a'zolar. Ularni xotin kishiday past maxluq oldida xor qilinadimi? Bo'lmasa, Haq taoloning bandalari it bilan ham gaplasha bersin! Yo'q, xotin kishiga juda zarur gap aytiladi, u toifa bilan zarurat yuzasidangina gaplashiladi. Vassalom!" [2. С. 11 –12] (Рот и язык человека (читаем: мужчины) – самые дорогие и уважаемые органы. Разве можно их унижать рядом с таким низшим существом как женщина? Ну тогда пусть творения Аллаха (читаем: мужчины) разговаривают и с собаками. Нет. Женщинам говорят только самое необходимое, и разговаривают с ними только по необходимости, И все на этом!). И, к сожалению, это не гротеск. Достаточно вспомнить как мингбаши разговаривает со своими женами, да и как сам Мирякуб ведет себя по отношению к своей жене и женам мингбаши, одна из которых – его любовница, как он не задумываясь решает судьбу Зеби и практически губит ее, да и то, как легко он отказывается от своей жены и дочерей, оставшихся в Туркестане, приняв решение жениться на Марии, тогда станет понятно каково было положение и значение женщин в пространстве произведения. На этом фоне, думается, что дневник Марии вообще появился в романе только потому что она умеет читать и писать, но слова красавицы (причем, непременно недалекой красавицы) всерьез не воспринимаются. Тем более, что повествует этот дневник только о её глупых страданиях: любит ли она Мирякуба или любит ли ее Мирякуб, в то время как сам Мирякуб занят серьезным делом: постигает понятие "нации" и проникается идеями о её будущем. Думается, что дневник Марии добавлен в роман с конкретной целью: структурно расширить спектр повествования, то есть ввести в роман новую точку наблюдения над героями, а именно над Мирякубом и джадидом, чтобы по-женски ревностно изображать ход их бесед и воздействие, которое они оказывают на Мирякуба. Тематически же дневник Марии служит для того, чтобы возвращать читателя в реальность повествования, развлекая его и отвлекая от образа джадида и его идей, чтобы они не заполняли все пространство романа и не звучали бы слишком сильно. Иными словами, в понимании А.Чулпана, как коренного средне-азиата, который, по тонкому замечанию К. Форта, не придерживался феминистического подхода, мужской и женский нарративы не рассматривались в одной плоскости, не обладали равным значением, и потому дневник Марии никак не может влиять на качество восприятия читателем слов джадида. Однако известно, что по теории рецепции, всякий читатель воспринимает текст в пределах своих представлений и жизненного опыта, и вполне вероятно, что для западного читателя дневник Марии может иметь больший вес, чем ему придавалось в романе, но судя по тому, что А.Чулпан лишил Марию каких-либо серьёзных размышлений, можно утверждать, что задача, которую он отводил её дневнику была очень проста – не дать заскучать среднему советскому читателю, и потому отмеченный К.Фортом "второй уровень диалогизма" также не совсем достигает своей цели.

Опираясь на все сказанное, мы позволим себе утверждать, что образ джадида в романе А.Чулпана не был карикатурным, а выполнял вполне серьезную художествен-

ную функцию: пир – духовный наставник – учитель Мирякуба. В связи с этим, сомнению подвергается еще одна мысль К.Форта. А именно, мысль том, как Мирякуб воспринял джадида Шарофиддина Ходжаева и его идеи. Как было показано выше, К.Форт пишет об образе джадида в романе: "... его речь проходит сквозь призму воображаемого дневника Мирякуба, который вопрошает и неверно понимает его. В конце встречи Мирякуб подчеркивает, что не полностью доверяет джадидам" ("his speech passes through the prism of Miryoqub's hypothetical diary in which Miryoqub questions and misunderstands him. At the end of their encounter, Miryoqub notes that he does not entirely trust jadids" [1. С. 34]).

Необходимо отметить, что Мирякуб действительно задаёт много вопросов и многого не понимает во время беседы, но он искренне старается понять и с большим доверием относится к джадиду. Конечно он много сомневается, но все же в конце концов говорит: "Ko'nglim birmuncha tinchlandi. Jadidlarga endi ishonib qoldim. Ulardan yolg'onchi chiqmaydi. Yaxshi odamlar!" [3. С. 237] (Я немного успокоился. Теперь я доверяю джадидам. Среди них нет обманщиков. Хорошие люди!). Также Мирякуб полон стремления узнать больше о джадидах, читать их газеты, чтобы лучше понять их.

К.Форт приводит следующую фразу Мирякуба как выражение его недоверия джадидам: "Ota-bobolar yo'li haq" deyishga endi tilim bormaydi. Jadidlarni ham "bular – haq!" deb ochiq aytolmayman... Ammo jadidlarning deganlarini boshqalarning deganlaridan ko'ra osonroq va tezroq anglayman... Yo ular o'zlari shunaqa chechan odamlarmikan?" [3. С. 246] (Теперь я не смогу утверждать что дорога наших предков единственно верная. Но и про джадидов я не могу сказать, что их путь – верный! Но их слова я понимаю легче и быстрее, чем слова других... Или это у них так язык хорошо подвешан?). Однако, думается, что здесь речь идет не о недоверии к джадидам, а о сомнениях человека, который совсем недавно познакомился с ними. Мирякуб ведь и сам говорит, что не без сомнения относится к ним: "Men hali puxta jadid bo'lganim yo'q… Jadidlar to'g'risida gumonlarim yo'q emas" [3. С. 246] (Я еще не стал твёрдо джадидом. Не скажу, что у меня нет сомнений...). Но ведь Мирякуб действительно ничего не знал о джадидах и до встречи с Ходжаевым свято верил в то, что все они – плохие. Более того, он тот еще бизнесмен, который привык тщательно обдумывать свои поступки, прежде чем совершать их наверняка. Вот и теперь он готов изучать, готов узнавать о джадидах, готов действовать как они ради будущего нации, так что, думается, его сомнение основано не на отсутствии доверия, а скорее на наличии здорового любопытства. Таким образом, мы оставим за собой право серьезно воспринимать образ джадида и факт обращения Мирякуба в джадидизм, а временно или нет – это уже не так важно для пространства романа "Ночь". В нашем понимании образ Ш. Ходжаева не имеет сатирического содержания, а потому не является памфлетом, а путевой дневник героев, как отсылка к литературе джадидов, представляет собой не пародию, а своеобразную аллюзию, отражающую дорогие для А.Чулпана воспоминания.

Думается, что работа К.Форта богатством содержания и новизной идей, а также своеобразием творческого подхода к произведению А.Чулпана вызовет еще немало откликов в узбекском литературоведении. Серьезное отношение к данной работе за рубежом демонстрируют дискуссии на книжных сайтах [8], а также то, что конференция в зуме, записанная с презентации перевода романа А.Чулпана Кристофером Фортом в посольстве Узбекистана в Вашингтоне выставлена на Фэйсбук-странице посольства США в Узбекистане (6). Актуальность данной темы обеспечивается еще и тем, что по признанию К.Форта, его книга – перевод романа А.Чулпана "Ночь и день" уже "используется для преподавания узбекской литературы и истории Центральной Азии в ведущих университетах США, Европы и Азии" [10]. А значит перед специалистами по творчеству А.Чулпана и вообще перед историками литературы Узбекистана стоит важная задача – сделать все возможное, чтобы постижение истории узбекской литературы и литературного наследия узбекского классика А.Чул-

пана англоязычными студентами со всего мира, было по возможности адекватным и близким к истине. Однако, каковыми бы ни были здоровые и конструктивные отклики на работу К.Форта, верится, что в узбекском литературоведении его имя всегда будет упоминаться с бесконечным уважением и искренней благодарностью за его великий труд: перевод на английский язык романа А. Чулпана – “Ночь и день”.

Литература:

1. *Cho‘lpon.* An Introduction to Cho‘lpon and his Night and Day // Night and Day. Abdulhamid Sulaymon o‘g‘li Cho‘lpon: translated by Christopher Fort. – Boston: Academic Study Press, 2019. – P. 1-44. (перевод выдержек из Введения наш. – З.К.)

2. *Cho‘lpon.* Night and Day. Abdulhamid Sulaymon o‘g‘li Cho‘lpon: translated by Christopher Fort. – Boston: Academic Study Press, 2019. – 278 p.

3. *Cholpon.* Kecha va kunduz. Roman – Toshkent: “Akademnashr”, 2020. – 367 b. (перевод выдержек из романа наш – З.К.)

4. *Christopher Fort*. Uzbek author Cho‘lpon’s Equivocal Legacy and Its Importance in Post-Soviet Uzbekistan. [Интернет ресурс]. URL: https://www.academicstudiespress.com/asp-blog/uzbek-author-cholpon-night-and-day (Дата обращения: 29.01.2023).

5. *Christopher Fort.* Uzbekistan’s cancelled Silk Road Literary Festival reveals leftover Karimov mindset. [Интернет ресурс]. URL: https://globalvoices.org/2022/08/17/uzbekistans-cancelled-silk-road-literary-festival-reveals-leftover-karimov-mindset/ (Дата обращения: 29.01.2023)

6. *Embassy of Uzbekistan.* Dr. Christopher Fort is presenting the translation of Night And Day (1934), an unfinished dilogy by Uzbek author Cholpon. [Интернет ресурс]. URL: https://www.facebook.com/UZEmbassyDC/videos/331 2852152312797 (Дата обращения: 29.01.2023)

7.*Global Voices. Christopher Fort*. [Интернет ресурс]. URL: https://globalvoices.org/author/christopher-fort/ (Дата обращения: 29.01.2023).

8. *New Book Network.* Abdulhamid Sulaymon o‘g’li Cho‘lpon (Christopher Fort trans.) Night and Day: A Novel. Academic Study Press. [Интернет ресурс]. URL:https://newbooksnetwork.com/abdulhamid-sulaymon-ogli-cholpon-night-and-day-a-novel-academic-studies-press-2019 (дата обращения: 29.01.2023).

9. PhD Candidate Christopher Fort Attends Conference in Uzbekistan [Интернет ресурс]. URL: https://lsa.umich.edu/slavic/news-events/all-news/search-news/phd-candidate-christopher-fort-in-uzbekistan.html (Дата обращения: 28.12.2022).

10. В Вашингтоне презентован первый английский перевод романа Абдулхамида Чулпона “Кеча ва кундуз” [Интернет ресурс]. URL: https://dunyo.info/ru/site/inner/v_vashingtone_prezentovan_perviy_angliyskiy_perevod_romana_abdulhamida_chulpona_kecha_va_kunduz-Zhq (Дата обращения: 26.01.2023).

11.Так был ли “День” у “Ночи”: как еще можно читать роман Чулпана? [Интернет ресурс]. URL: https://www.and-another-day.com/ru/traces/the-genius-of-cholpon (Дата обращения: 28.12.2022).

CHULPON'S NOVEL "NIGHT AND DAY" IN CHRISTOPHER FORT'S INTERPRETATION

Zamira, A. Kasimova[1]

Ilmiy xabarnoma. Seriya: Gumanitar tadqiqotlar – Scientific Bulletin. Series: Humanitarian Studies. 2023. 1(69). 50-66.

[1] Sichuan University of Arts and Science, Lianhu Campus, 519 Tashi Road, Tongchuan District, 63500, Dazhou, Sichuan, China. E-mail: 19940004@sasu.edu.cn

Keywords: *novel, translation, jadid literature, parody, pamphlet, dialogism, optimism, socialist realist novel, psychologism, proletarian novel, internal dialogue, culture, education.*

The article is devoted to the analysis of the interpretation of A.Cho'lpon's novel "Night and Day", proposed by the American researcher and translator Christopher Fort in the introduction to his translation of the novel into English. Exploring the social and political situation of the period of the 1930s, Christopher Fort comes to the conclusion that A.Cho'lpon's novel "Night and Day" is a writer's attempt to create a socialist realist novel in which he intended to reflect his own "long" path of "conversion to socialism" based on the ideological quest of the main character of the novel – Miryoqub. According to the researcher, A.Cho'lpon in the second volume of his novel was going to turn Miryoqub into a socialist, and for this reason he initially put into his mouth a vow to "overthrow the empire". Moreover, while depicting the inner struggle of the hero, the writer relied on psychologism put forward by the contemporary proletarian novel. Christopher Fort believes that Miryoqub's fascination with Jadidism cannot be taken seriously, since A.Cho'lpon, according to the researcher, portraying the Jadids, parodies their literature and endows them with chauvinistic sentiments, which contradicts historical truth, but corresponds to the "Soviet" idea of the Jadids, accused of nationalism by the 1930s. Christopher Fort holds the opinion that the Jadids of Turkestan did not seek independence, but only sought autonomy within the federated system, and therefore the main ideological opponent of the Jadids was not imperial Russia, but the local religious nobility – Ulama. Having depicted the far-fetched anti-Russian sentiments of the Jadids, A.Cho'lpon, according to Christopher Fort, discredits their movement and casts doubt on the transformation of Miryoqub into a jadid.

The same road to socialism, according to Christopher Fort, was to be followed by Zebi, for whom exile to Siberia was to become a kind of character hardening school. However, according to the researcher, A.Cho'lpon had an ambivalent position towards the issue of women's liberalization. On the one hand, he lamented their passiveness, on the other hand, he believed that a strong woman loses her femininity, which is a national trait and value of Uzbek women and should be preserved. Thus, Zebi's conversion to a socialist for A.Cho'lpon was complicated by the uncertainty of his position in relation to the women's issue. Christopher Fort believes that loyalty to the "aesthetics of indecisive" and "aesthetics of ignorance", as well as "aesthetic of inconclusiveness" formed in the work of A.Cho'lpon, thanks to his past in the ranks of the Jadids and their literature, prevented the poet from creating a real socialist realism work: his characters do not come from "spontaneity" to "class consciousness", but remain "unconscious" on the throughout the first volume, full of doubts, and therefore indecisive. Christopher Fort is convinced that A.Cho'lpon's novel differs from other works of that time in that it is full of ignorance, and its characters mostly misunderstand each other. Christopher Fort believes that A.Cho'lpon uses the artistic possibilities offered by the aesthetics of ignorance and postpones the moment of epiphany for his characters indefinitely. He also states that the

aesthetics of the indecisive prevails in the novel also because A.Cho‘lpon was himself undecided in his relation to the Soviet Union, which prevented him from creating a logically completed in accordance to the rules of Stalinist criticism second volume of the novel started.

This article disputes Christopher Fort’s opinion about the parodic nature of the fragment of the novel about the jadids and his interpretation of the image of the jadid as a pamphlet. In our understanding, Christopher Fort’s arguments justifying his statements are not very accurate, namely: jadid Sh.Khodjaev heard the story of Maria in detail and was aware about her past in a brothel, he did not praise her as more culturally superior and did not implore Miryakub to idolize her because of her Russian background, and also did not recommend her as a teacher for Miryakub’s children. Thus, Jadid’s words could not be discredited by the reality of the novel and Maria’s diary, and her narrow-mindedness could not question his words. Moreover, for A.Cho‘lpon, male and female narratives were not read in the same level, and therefore he made Maria’s diary as dumb as possible, without giving her a single smart idea. The purpose of Maria’s diary was structurally to expand the spectrum of the depiction by creating a new point of observation of the characters to show how Miryoqub is changing under the influence of Sh.Xodjaev’s words, imbued with the ideas of the jadids, as well as thematically – to entertain the reader distracting him from the ideas of jadid, which otherwise would sound too loud and would fill the entire space of the novel. Thus, we believe that Miryoqub’s fascination with the jadid movement was serious, and the jadid in the novel serves as the spiritual mentor of Miryakub, who, although still full of doubts, is sincerely interested in this movement, that is striving for the development of the nation.

We think that Christopher Fort’s work is extremely interesting. It is distinguished by the novelty of the approach to understanding the novel, and it will also cause a lot of responses in Uzbek literary science. But no matter what the constructive responses of the scholars will be, the name of Christopher Fort will always be mentioned in Uzbek Literary Science with great respect and gratitude for his outstanding work – the translation into English of A. Cho‘lpon’s novel “Night and Day”.

References:

1. Cho‘lpon, A. (2019). An Introduction to Cho‘lpon and his Night and Day. In Night and Day: A Novel; translated by Christopher Fort.(pp. 1-44). Boston, USA: Academic Studies Press. (Russian translation of the quotes from the Introduction is ours. – Z.K.)

2. Cho‘lpon, A. (2019). Night and Day: A Novel; translated by Christopher Fort. Boston, USA: Academic Studies Press. – 292 pp. (Russian translation of the quotes from the novel is ours. – Z.K.)

3. Cho‘lpon (2020). Kecha va kunduz. Roman [Night and Day: A Novel] – Toshkent: “Akademnashr”, 2020 – 367 p. (In Uzb.) (Russian translation of the quotes from the novel is ours. – Z.K.)

4. Christopher Fort. Uzbek author Cho‘lpon’s Equivocal Legacy and Its Importance in Post-Soviet Uzbekistan. [Online] URL: https://www.academicstudiespress.com/asp-blog/uzbek-author-cholpon-night-and-day (Date of Access: 29.01.2023).

5. Christopher Fort. Uzbekistan’s cancelled Silk Road Literary Festival reveals leftover Karimov mindset. [Online] URL: https://globalvoices.org/2022/08/17/uzbekistans-cancelled-silk-road-literary-festival-reveals-leftover-karimov-mindset/ (Date of Access: 29.01.2023).

6. Embassy of Uzbekistan. Dr. Christopher Fort is presenting the translation of Night And Day (1934), an unfinished dilogy by Uzbek author Cholpon. [Online] URL: https://www.facebook.com/ UZEmbassyDC/videos/ 3312852152312797 (Date of Access: 29.01.2023).

7. Global Voices. Christopher Fort. [Online] URL: https://globalvoices.org/author/christopher-fort/ (Date of Access: 29.01.2023).

8. New Book Network. Abdulhamid Sulaymon o‘g’li Cho‘lpon (Christopher Fort trans.) Night and Day: A Novel. Academic Study Press. [Online] URL: https://newbooksnetwork.com/abdulhamid-sulaymon-ogli-cholpon-night-and-day-a-novel-academic-studies-press-2019 (Date of Access: 29.01.2023).

9. PhD Candidate Christopher Fort Attends Conference in Uzbekistan [Online] URL: https://lsa.umich.edu/slavic/news-events/all-news/search-news/phd-candidate-christopher-fort-in-uzbekistan.html (Date of Access: 28.12.2022).

10. V Vashingtone prezentovan pervyy angliyskiy perevod romana Abdulkhamida Chulpona “Kecha va kunduz” [In Washington the first English translation of the novel “Night and Day” by Abdulhamid Cho‘lpon was presented]. [Online] URL: https://dunyo.info/ru/site/inner/v M_vashingtone_prezentovan perviy_angliyskiy_ perevod_romana_abdulhamida_chulpona_kecha_va_kunduz-Zhq (Date of Access: 26.01.2023).

11. Tak byl li “Den’” u “Nochi”: kak yeshche mozhno chitat’ roman Chulpana? [So, did the “Night” have a “Day”: how else can Chulpan’s novel be read?] [Online] URL: https://www.and-another-day.com/ru/traces/the-genius-of-cholpon (Date of Access: 28.12.2022).

Сведения об авторе:

КАСЫМОВА Замира Абдуллаевна – доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка и литературы факультета иностранных языков Сычуаньского университета искусств и наук, КНР (Китай). E-mail: zk67185@gmail.com